ПРОЛОГ

Незнакомец

СЕРДЦЕ.

Такой простой орган. Необходимый для того, чтобы поддерживать в плоти жизнь. Чтобы качать кровь по венам.

Не дать костям и дыханию превратиться в пепел и воспоминания. Но создан он отнюдь не для этого.

Однако я забыл об этом, когда нашел ее.

Забыл, что стук в моей груди не просто выполняющий свою задачу орган, поддерживающий мое хрупкое, слабое тело, но еще и квинтэссенция пути домой.

То, что поможет мне вспомнить, кем я был. Приведет к воспоминаниям о ней. Ах, если бы я об этом тогда помнил...

Сколько боли смогли бы мы избежать.

ГЛАВА 1

Девушка

— Ты... жива?

Кто-то крепко, но бережно схватил меня за плечо — я тут же распахнула глаза и попыталась сглотнуть. В горле пересохло. Меня перекатили на спину и заставили посмотреть вверх, на ослепляющее горящее солнце.

Я скривилась и попыталась снова свернуться в калачик.

По щеке хлопнули.

— Просыпайся. Давай же. Скажи, что ты живая.

— Она мертва, Ния. Оставь ее стервятникам.

— Она вовсе не мертва, Кивва, — меня похлопали сильнее, и я ударилась затылком о камни.

Боль вытащила меня из плотного тумана. Она держала, смывала с меня чувство, будто я зависла в пустоте. Привязывала к проклятому телу, которым я обладала.

Сердце забилось сильнее. Я охнула. Сделала глубокий вдох.

— Вот так.

По щеке бить перестали — чужие пальцы осторожно зарылись в мои волосы.

— Ты в порядке. Ты больше не одна.

Одна.

Слово это ударило меня, словно молния. По опаленным солнцем щекам потекли слезы. Слезы, которые я не могла себе позволить. Меня пронзило болью такой сильной, что я не могла вдохнуть.

Я закашлялась и...

— Она не может дышать, Ния. Это болезнь. Отойди от нее!

— Это не болезнь, Кивва. Она просто пытается выбраться из страны смерти, вот и все.

Смерть.

Это слово тоже вцепилось в сердце так, словно имело когти и клыки. Пытаясь добраться до самой моей души и вырвать ее с корнем.

Незнакомые пальцы продолжали гладить меня по волосам — руки эти стали для меня якорем. А я все никак не могла решить, хочу ли я возвращаться в этот мир.

Могла ли я вернуться с того света?

Там ли находилась с тех пор, как упала на берегу реки?

Пальцы коснулись моих век, прижались к щеке — другой рукой мне приподняли бровь. Ресницы распахнулись сами — глаз пронзил ослепительный свет солнца.

Я застонала и собрала все силы, чтобы отмахнуться от прикосновения.

И меня отпустили.

Меня снова накрыло тьмой. Но в ней было что-то еще. Что-то изменилось.

Мир ненавидел меня, но в то же время вдруг подарил мне то, чего я раньше не видела.

Людей.

Таких же, как я.

Я сжала зубы и открыла глаза.

— Видишь? — склонившаяся надо мной девушка улыбнулась своим спутникам. — Сказала же, что она живая.

— Ну да, но вдруг она больная? — кто-то очень высокий подошел поближе. — И где ее племя? В одиночку здесь не выжить. Ее изгнали?

Он поднял длинную палку, обмотанную плющом — наверху колыхались листья, — и указал на меня так, словно пытался защититься от зла. А потом добавил:

— Давай уйдем, Ния. У нас нет времени возиться с ней. Нас ждет охота.

Опустившаяся рядом девушка сверкнула идеальными зубами.

— У тебя что, сердца нет? Хочешь обречь смертную душу на погибель? Обычного человека, такого же, как мы?

— Может, она этого заслуживает, — мужчина кивнул, расширив ноздри. — Посмотри на нее. Одежды нет. Ничего нет. Даже бурдюка для воды. Помяни мое слово, ее лишили всего и изгнали из племени. На ней клеймо.

Он ткнул палкой прямо мне в бедро, и я дернулась.

— Вот здесь. Ее пометила сама смерть.

Сердце мое трепетало от каждого его слова... *что-то* оно чуяло, *что-то* я должна была понять... но ощущение это быстро исчезло.

Ния склонилась надо мной и аккуратно смахнула с моей ноги грязь и глину. Девушка плюнула прямо в свою темную ладонь и размазала слюну по большому грязному пятну, в которое ткнул незнакомец. Она внимательно всмотрелась в мою кожу — по лбу разбежались морщины.

Я задрожала от мурашек, попыталась отодвинуться. У меня, конечно же, ничего не вышло.

Сил на сопротивление совсем не осталось. Лишь пара ударов сердца — и я вернусь в шепчущий туман и забуду об этом месте.

— Это не метка смерти, — фыркнула Ния. — Ты ведь не мастер над духами, Кивва. Хватит делать вид, будто знаешь, о чем говоришь!

— Тогда отведи ее к Солину, пусть *он* тебе все расскажет. Но болезнь останется на твоей совести: все племя поляжет из-за того, что ты притащишь в наш дом вот *это*.

— Она не вещь, а человек. Такой же, как мы! — рявкнула Ния; гнев ее выпустил, наконец, шипы. — А метка, которой ты так испугался, — всего лишь родимое пятно, как я и сказала. Родимое пятно в форме солнечных лучей, если тебе интересно.

Мужчина скрестил на груди руки и сжал в кулаке свою нарядную палку.

— Она останется здесь. Здесь и помрет.

— Мы заберем ее с собой, — Ния повернулась ко мне лицом. — Тебе нужно встать. Пойдешь с нами.

Она ободряюще улыбнулась и продолжила:

— В племени есть целители. Если ты больна, тебя вылечат. Тебе нужна помощь и...

— Нужно оставить ее здесь, пусть умирает, — прорычал Кивва. — Пошли.

Он отошел вместе с двумя другими мужчинами и женщиной, которые стояли чуть поодаль.

Я то выныривала из тумана, то снова теряла сознание, сердце все еще не желало толком запускаться. Меня пожирал голод. По сравнению с моей болезненного цвета кожей и выступающими костями эти люди светились здоровьем. Кожа стоящих за Киввой мужчин блестела, словно черные речные камни. На темных руках проступали жилы и очертания костей, ногти почти светились розовым. Глаза их тоже были темны и полны скрытой глубины и мудрости.

Мужчина, что так бесцеремонно ткнул меня палкой, был светлым: на лице рассыпаны веснушки, коричневые волосы выцвели на солнце. Другая девушка походила на него и сильно отличалась от Нии. Но больше всего меня поразили их сложные косы.

И у мужчин, и у женщин длинные волосы были заплетены и украшены перьями, бусинами и раковинами. Ветер легонько трепал украшения.

Я сглотнула, борясь с разлившейся по всему телу болью и тьмой, которая жаждала меня поглотить. Я уставилась на украшенные перьями косы, что закрывали грудь стоящей женщины. И замерла.

Да, они выглядели здоровыми, но все же покрывали свои тела мехом убитых животных. На бедрах мужчин висели повязки, женщины прикрывали также и грудь.

Эти люди закрывали свою наготу тем, что оставалось от их добычи. Почему именно это показалось мне таким странным? Вызвало незнакомое — или все же знакомое? — чувство...

— Не волнуйся, — успокаивающе проговорила Ния, и я переключила внимание на нее. — Мы найдем для тебя одежду.

Я опустила взгляд на свое грязное, исхудавшее тело. Та кожа, что виднелась под грязью, была такой же темной, словно грязь, цвета выцветшей земли. По всему телу цвели ожоги от солнца, белые линии шрамов на ногах и свежие порезы на бедрах лишь добавляли штрихи к общей невеселой картине. В моих снежно-белых волосах застряли листья папоротника — вот только совсем не для украшения. Я носила на себе лишь отчаяние и желание выжить.

— Пойдем, — скомандовал мужчина с палкой. — Хватит уже.

Но никто из племени не пошевелился. Они переводили взгляды с меня на опустившуюся на колени Нию. Старались сами понять, что делать.

И Ния воспользовалась их нерешительностью.

— Она всего лишь человек. Такая же, как мы. Она не дух. Не болезнь и не чистое зло. Если мы оставим ее здесь, она умрет. Не знаю, как вы, а мне не хочется на следующем огневом совете сознаваться в том, что мое бездействие привело к чьей-то смерти.

И слова ее подействовали на людей, как по волшебству.

Двое мужчин тут же окружили меня и передали свои длинные палки женщине с косами в перьях, а потом приподняли брови, обращаясь к Нии.

— Отойди тогда. Мы ее понесем. На сегодня охота закончена.

Ния поднялась с колен и одарила меня улыбкой.

— Мы тебя сейчас поднимем, хорошо? — ее черные глаза сверкнули. — У тебя есть имя?

Имя?

Что такое имя?

Не думаю, что оно у меня есть.

Не помню...

Девушка не стала ждать моего ответа — указала на кольцо окруживших меня людей.

— Это Хуо, Рин и Моук, — затем она кивнула на угрюмого. — А это Кивва.

Наконец она хлопнула по собственной темной, затянутой в меха груди и вновь показала белые зубы.

— А меня зовут Ния, — она указала на меня и приподняла брови. — А теперь ты... как тебя зовут?

Я сглотнула, борясь с сухостью в горле и склонив голову к шумящей рядом реке. Мне нужно было попить. Тело требовало воды, еды и тени — всего того, что так необходимо для выживания. Но *хотела* ли я оставаться живой, если это было так трудно? И так *одиноко*?

Сколько прошла я, прежде чем тело наконец сдалось? Месяц? Год? Десять лет?

Я шла, пока ноги не закровоточили, пока кости не затрещали, грозясь сломаться. Я шла под обжигающим солнцем и оглушающим дождем. Я искала прибежище в логовах диких зверей, откуда бежала, гонимая воем и клыками. Другие звери, добрее, избегали меня, бросались бежать, едва я заходила на их территорию.

Несколько солнц назад за мной увязалась стая волков, чьи величавые головы были коронованы витыми рогами. Их вел запах моей скорой смерти. Смерти, которой я сдалась у этой самой реки, когда упала лицом вниз на влажный берег.

Я пыталась заплакать.

Сердце болезненно тянуло в груди.

Я не знала, откуда и куда шла, что искала и почему была одна, но тогда на меня обрушилась вся мощь жестокого одиночества.

В груди пробудились рыдания.

Я попыталась свернуться в клубок — спрятаться, забыться, умереть.

— Эй... — Ния снова опустилась рядом и коснулась ладонью моей грязной щеки. — Все будет хорошо.

Глаза ее сияли невероятной добротой, и она добавила:

— Ты больше не одна.

«Ты больше не одна».

Голос ее эхом отдавался где-то внутри меня.

Слова повторялись. Они преследовали меня, пока я скатывалась в вечный туман забытья.

Последнее, что я запомнила, — сильные руки, что подняли меня. Я вдруг стала совсем невесомой, и небо забрало меня, словно собственную дочь.

ГЛАВА 2

Незнакомец

Я дернулся — что-то мокрое и теплое провело по лицу. Первое, что я почувствовал за долгое время.

Слишком долгое.

Оно вернулось — мокрое и теплое — и провело по носу, затем вверх, к грязному лбу. Я застонал и сильнее сжался в комок в траве — там, где я упал вчера ночью.

Последнее, что я запомнил, — сияющую надо мной луну, беспощадную и жаждущую крови. А потом последние силы оставили меня.

Светилу было все равно, что я исчерпал все лимиты.

Она не попыталась остановить меня, когда колени подогнулись и отправили меня в грязь. Луна молча наблюдала за тем, как я умирал.

Я был один.

Я всегда был один, сколько себя помню. Другой жизни я не знал. Не помнил, была ли она. Было ли хоть что-то до бесконечной этой прогулки, до поиска, до *борьбы*.

Мне хотелось просто исчезнуть...

Забыть об этой жизни так же, как забыл обо всем остальном.

Мысли мои накрыл темный туман: он погасил шум кузнечиков в траве и сумерки, которые отмечали мой последний день на этой бесконечно одинокой земле.

Мокрое снова вернулось.

На этот раз оно провело по моему обнаженному плечу и вниз по руке.

У меня не осталось сил, чтобы отмахнуться. Чтобы даже застонать. Боку стало тепло, а потом что-то прохладное и мокрое коснулось моей кожи.

И я вдруг понял, что это.

Они шли за мной много дней.

Следили из теней, крались в лунном свете. Волки.

Их следы были больше, чем мои. Четвероногие охотники с черно-серебристыми шкурами и золотом на плотных шеях. Они выли в ночи, и их витые рога казались такими же острыми, как и их клыки.

Так тому и быть.

Я потерял бдительность. Сдался на милость судьбе.

Пусть моя бесконечная усталость подарит им обед — я с радостью умру. Даже буду благодарен за то, что они лишат меня одиночества и заберут невероятную, зияющую внутри пустоту.

Волк снова тронул меня носом, подтолкнул в плечо.

Я перевернулся на спину: сердце отбивало последние удары. Я сдался, открыв обнаженный живот их зубам.

Охотник фыркнул и лизнул меня по низу живота, пробуя на вкус запекшуюся кровь — несколько дней назад я прополз по зарослям шипов в надежде добраться до ягод.

Тогда я ел в последний раз. Больше еды я не нашел.

Как хорошо, что скоро все закончится. Я замер и принялся ждать.

Ждать, когда в меня вонзятся зубы. Разорвут неприкрытый живот и превратят меня из живого существа в обед.

Я ждал.

...

И подождал еще немного.

...

А потом мокрый язык снова провел по шрамам на моих бедрах, прихватил ослабевшие ноги. Жесткая шерсть защекотала кожу: зверь ткнулся в бедро носом. Я почувствовал, как касаются меня клыки... подавил желание вырваться. Упустил последний шанс на спасение.

Если я не пошевелюсь, то умру.

Но и если дернусь, то тоже умру. Наверное.

У меня не хватит сил на то, чтобы побороть голодного волка.

Потому какая разница, буду ли я сражаться в последние свои моменты или просто лежать... я уже мертв. И я проигнорировал зашедшееся в бешеном ритме сердце и остался лежать на траве.

Скорей же.

Давайте с этим покончим.

Язык провел по моему лицу, по уголкам рта. Мое холодное нагое тело будто бы накрыло шерстяным одеялом: волк опустился рядом, прижался поближе.

В глазах потемнело, но вдруг я снова открыл их, моргнув. В сумерках все вокруг казалось наводненным тенями. Вдали за гору опускалось солнце — свет его окрашивал траву в долине, где я лежал, в алое золото. Сияющая красота.

Я все силы потратил на то, чтобы повернуть голову и сфокусировать взгляд. Рассмотреть гигантское рогатое чудовище.

Я поймал его взгляд — древний и полный эмоций.

Чудовище не отвело глаз — провело языком по губам и острым зубам. Оно склонило величественную голову, и витые рога искупались в закате. Волк открыл пасть и схватил меня за запястье.

Острые грани зубов грозились пронзить кожу, но я не отдернул руку. Не попытался стукнуть волка или отсрочить свою неминуемую гибель. Я лежал на спине и все свое внимание отдавал существу, которое вскоре избавит меня от страданий.

— Спасибо... — прошептал я хрипло и глухо.

Слова эти болью отдались в груди — я чувствовал их, но голоса не узнавал.

Я знал, что, скорее всего, говорил и прежде, но не помнил, когда и как. Говорил ли с кем-то. Проводил ли время со своей второй половиной. Была ли она вообще.

Сердце сдавило.

Хватка волка на запястье усилилась: клыки прорвали кожу. От них несло жаром, и меня накрыло волной ужаса. Больно ли это — быть съеденным? Умру ли я до того, как меня начнут жевать?

Я вновь заставил напрягшиеся было мышцы расслабиться.

Подаренная мне боль не могла сравниться с пустотой внутри. С преследовавшими меня кошмарами.

Со снами, в которых являлась мне та, кого я когда-то обожал.

Какое облегчение — ощущать что-то кроме одиночества. Облегчение — наконец закрыть глаза и прекратить поиск.

Я тяжело вздохнул и позволил себе утонуть в темноте. По земле стучало все больше и больше лап. Охотившаяся на меня стая наконец догнала своего альфу. Они готовились к пиру.

Я увидел, как из травы появились еще пятеро волков.

Они припали на корточки, окружив мое нагое тело. Мех их блестел красными полосами заката. Рога будто бы развеивали выкрашенные в алый облака. Волки подняли морды, оскалились и завыли.

ГЛАВА 3

Девушка

— Скажешь уже что-нибудь?

Я отвела взгляд от стоявшего между двух палок человека, залитого солнечным светом, — рукой он удерживал закрывающую проход шкуру бизона. Когда я впервые пришла в себя, то подумала, что оказалась в желудке чудовища. Меня съели, но я осталась в сознании.

Я закричала и забилась, сбросив с ног тяжелые меховые одеяла. Постаралась дотянуться до неба руками.

Тут же пришли люди.

Они удержали меня, заставили открыть рот.

Я пыталась выплюнуть горькую жидкость, которая потекла по горлу, но вскоре меня снова объял туман забытья, и я оказалась в безопасности... опять одна. Никому не нужная.

С тех пор поднялось и опустилось четыре солнца, и с каждым днем мне становилось все легче. Теперь я знала, что меня уложили в лупик — убежище, созданное гениальными умами племени Нил. Они жили в долине, где не росли деревья, и охотились на гигантских бизонов, что путешествовали по бескрайнему зеленому морю.

Ни одна часть зверя не пропадала без дела, но шкура ценилась выше остальных. Из нее делали дома, одежду и постели.

В последние часы ко мне вернулось наконец столько сил, что я смогла сесть на постели из меха. Я наслаждалась

тишиной, прислушиваясь к тихим, доносившимся снаружи голосам людей. Ноги меня все еще не слушались, и я не могла к ним выйти, потому просто села и принялась рассматривать жилище.

Шкуры поставили в виде конуса и скрепили жилами и плетьми. В центре крыши зияла дыра для дыма от костра — под ней выложили круг речными камни.

Сейчас огонь не горел. Люди племени Нил зажигали его лишь по ночам, когда падала температура.

— Ты меня понимаешь, девочка? — внутрь вошел мужчина.

Он ходил не босиком, как я, — на ногах его красовались шкуры бизона, перевязанные свитыми из тростника веревками. Мех повыше скрывал его мужество, а вот черная грудь была открыта для вившихся вокруг теней.

Тени...

Слово это полоснуло мой рассудок, словно когтями. Что-то важное. Я забыла что-то очень важное.

Мужчина склонил голову — в длинных черных волосах прятались перья и листья, — затем похлопал по тростниковой циновке и опустился рядом, скрестив ноги.

— Мы рассказали тебе, где ты, кто мы такие и чего от тебя ждем, а ты так и молчишь, — он положил руки на колени. — Я терпелив. Мои люди излечили тебя, дали кров и еду. Никто не причинил тебе вреда, а ты ведешь себя так, словно все еще не доверяешь нам.

Я моргнула и провела языком по губам. Я не отказывалась говорить.

Я просто... у меня голова шла кругом.

Из первых дней своего пребывания здесь я запомнила только падающие в глотку еду и жидкость. Сон накрывал меня тяжестью, пресыщал недоумением. Меня трогали там, где никогда и никто не трогал. Меня искупали, вылечили, за мной следили и ухаживали, пока я бродила где-то между жизнью и смертью, там, где я была ближе к тому, чего не могла назвать.

Кого не могла назвать. Безликому мужчине.

Своей второй половине из сна, полнившегося тенями и смертью. Я боялась за свой рассудок.

Боялась, что, несмотря на всю доброту и заботу, часть меня умерла у той реки. Я сдалась. Зачем мне жить, если я не могу вспомнить ни кто я, ни откуда, ни... почему.

— Ты слишком громко думаешь, дитя, — мужчина улыбнулся. — Открой же рот и говори.

По темной коже вокруг глаз разбежались морщинки — улыбка его стала еще шире.

Я и предположить не могла, сколько ему лет: мужчина казался одновременно и молодым, и старым, и любопытным, и мудрым. Неважно, сколько лун он прожил: от него исходила мощная, величественная аура. Он отличался от всех остальных людей из племени Нил, которые ухаживали за мной в последние дни.

Мужчина держался уверенно — так, словно знал такие вещи, о которых другие не ведали. Ночью он смотрел в огонь костра, думая, что я сплю. Смотрел словно бы в трансе — и сидел так до самого утра.

Он смотрел на меня так, словно знал обо мне больше, чем я сама.

Я не отвернулась от взгляда его темных глаз — пододвинула к себе меха и снова облизнула губы. Рядом с ним моя грудная клетка казалась будто бы больной. Ребра выпирали, цвет кожи словно бы выцвел. Я посмотрела на свои соски и устыдилась своей наготы.

Меня нашли голой, и такой я и оставалась.

Мужчина продолжал сидеть в терпеливом ожидании — как и всегда. Пока Ния и другие охотники несли меня сюда, я просыпалась в забытьи, борясь со смертью, и смотрела в глаза этому человеку. Это я помню.

Он следил за мной, пока другие кормили меня, лечили и укутывали в меха, чтобы я отдохнула.

Этот мужчина остался рядом, когда зашло солнце и в дыре наверху показалась луна — она отбросила на камни кострища свои серебряные лучи.